

История, которую я собираюсь рассказать, произошла на самом деле. Из повествования лишь намеренно удалены сведения о точном месте и времени событий. Имя главной героини также изменено.

-Ох уж эти 90е!... Время, когда принципы, привычки и устои старой эпохи уже канули в лету, а новые ещё не сформировались... Именно на него пришлись мои студенческие годы. В самый разгар этой эпохи я закончил Университет по специальности «Вычислительная техника», причём с красным дипломом! Но очень скоро осознал, что он вовсе не является ключом к лёгкой и безбедной жизни. С работой было очень туга, и найти что-то достойное не получалось. Тогда мне, как вчерашнему студенту, предложили работу на родной кафедре — преподавать всё ту же информатику. Я согласился, надеясь выиграть время и найти не спеша потом приличную работу с достойной оплатой. Здесь же платили сущие копейки, поэтому пришлось согласиться сразу на полторы ставки.

На работе я пропадал с утра до вечера, почти жил на ней. Примерно в таком же режиме работали и другие мои коллеги преподы, которые ещё вчера принимали у меня зачёты и ставили мне оценки. Лекции читать, конечно, никто сразу мне не доверил, зато практических занятий и лабораторных работ навалили от души! В основном это были студенты первого и второго курсов, причём далеко не всегда информатика была для них профильным предметом — часто это были студенты таких специальностей, для работы по которым знать азы программирования вовсе не обязательно.

Студенты тоже встречались разные. Мало, кому хотелось учиться (хотя попадались и такие!) но для большинства универ был просто местом, где можно увидеть друзей, обсудить планы на выходные, просто провести время или же решить коммерческие вопросы (многие в ту пору уже приторговывали оптом сникерсами, бананами или даже спиртом «Рояль» в зелёных бутылках). Отношение у них ко мне, как к молодому преподавателю, было довольно снисходительным, хотя со временем я почти со всеми находил общий язык, за редким исключением. Девицы пытались строить глазки, некоторые даже пытались использовать своё обаяние для повышения собственной успеваемости. Не только глазки строили, — демонстрировали глубокие декольте и оголённые будто невзначай бёдра... Я же ненавязчиво, но жёстко давал понять, что со мной так лучше не делать! Нет, я никому за это не мстил, не придидался потом, наоборот — помогал достичь нужного результата правильными, традиционными, так сказать, средствами, а именно — трудом и усердием.

Помню, была среди всей этой пестроты одна группа экономистов-второкурсников — шестеро парней и восемнадцать девушек. Группа — как группа, ничего особенного, но были в ней две подруги, которые не оставляли попыток заигрывания со мной. Обе симпатичные, даже чем-то похожие между собой. Они вечно садились на первую парту прямо напротив моего стола и то по очереди, то синхронно томно закатывали глаза, облизывали языком губы, сверкали голыми коленками под партой, и всё в этом духе... Хотя мне было это неинтересно, но я оставался, всё-таки, мужиком, и постоянно контролировать, куда направлен мой взгляд, было физически невозможно. Поэтому я зачастую покидал своё место за учительским столом и вёл занятие с произвольно выбранных точек аудитории.

Там, где проходили практические занятия, парты не имели глухих стенок — столешница на

каркасе из металлических трубок, внизу подставка для ног — и всё. Этим они и пользовались, нахально надеясь уличить меня в заглядывании к ним под юбки. И там наверняка было, на что посмотреть! Но я не мог себе этого позволить по двум причинам: во-первых, я был воспитан таким образом, что сама мысль о том, чтобы воспользоваться своим положением для совращения девушки была мне дикой; во вторых, если бы я был в этом уличён, я бы очень серьёзно пал в глазах своих новых коллег — моих вчерашних преподавателей, а их я очень уважал и ценил их расположение ко мне.

Была у меня и третья причина пресекать на корню поползновения тех двух красоток — мне никогда не нравились такие «активные» девчонки, меня всегда привлекали тихие, застенчивые скромницы, но одного взгляда на которых достаточно, чтобы понять, какая буря темперамента скрыта в них, и пока никому не ведома. Так вот, одна такая училась вместе с ними в той самой группе, Сашей звали (имя не настоящее, фамилию тоже помню, но умолчу!).

Она почти всегда держалась одна, мало с кем разговаривала. На моих занятиях сидела, как правило, на второй парте, либо на третьей. Никогда не опаздывала, всегда тщательно выполняла задания. Не всё всегда получалось — ей трудно давалась информатика, а мне доставляло удовольствие помогать ей и видеть, как загораются её глаза, когда под конец лабораторных занятий очередная простенькая программка, наконец, выдаёт ожидаемый результат!

Однажды погожим октябрьским днём я вёл у них практику. Те две распутные девицы болтали о чём-то своём, а все остальные, зевая, слушали мои пояснения к предстоящей лабораторной работе, которая должна была состояться через три дня в компьютерном классе. Тема для них была, прямо скажем, нудновата — решение системы линейных уравнений методом Гаусса. На кого хочешь, сон такое нагонит, а тут как назло пара была сразу после сытого обеда (учились они во вторую смену), да ещё и солнце яркое светило в ничем не прикрытые окна. Я даже сам раза три подавлял в себе желание зевнуть, замолчать и прикрыть глаза хоть на минуточку... Чтобы не заснуть и не щуриться от яркого солнца, я встал из-за своего преподавательского стола и отошел в угол аудитории, встав рядом с окном слева от доски.

Сашенька сидела на второй парте ближайшего к окнам ряда, парта перед ней была пуста. Я с некоторым умилением наблюдал, как малышка отчаянно борется со сном: то мотнёт головой, то сожмёт кулаки, то выгнет спинку, распрямляя плечи... Но сон неминуемо брал над ней верх. Она, надеясь прогнать сон, рефлекторно сменила позу — поставила ступни на предназначенную для них подножку парты, сама сгруппировалась над её поверхностью, как бы нахолившись, и застыла так на несколько десятков секунд неподвижно... Тут бы мне её разбудить, окликнуть, как-то привлечь внимание... но я не решился, так как не хотел выставить её перед всеми посмешищем. Вместо этого я продолжал своё монотонное вещание о достоинствах программных решений при использовании численных методов. Ещё через несколько секунд она стала медленно, но верно терять равновесие, склоняясь всё больше вперёд, а поскольку ножки стояли не на полу, а были приподняты, это привело к тому, что она попросту сползла с этого дурацкого стула, который выскоцил из-под неё, а сама она шлёпнулась попой на пол, оказавшись практически целиком под партой с широко раздвинутыми ногами, которые так и остались на подножке. Юбка собралась, и на моё обозрение были выставлены её стройные ножки и белый треугольник трусиков.

Вот нарочно захочешь такое повторить — и не получится! А тут экспромт... Не обращая внимание на зрелице, я бросился к ней, опасаясь, что, падая таким замысловатым образом, она могла получить спинкой стула по голове. Пара ребят тоже подбежали к ней с соседней парты. Совместными усилиями мы подняли нашу сомнамбулу и усадили на другой стул.

— Сашук, ты цела? — спросил один из них.

— Даа... — протянула она, потирая ушибленный локоть.

— По голове не досталось? — поинтересовался я.

— Не знаю, вроде бы нет, рука только болит...

Большая часть группы вообще сначала не поняла, что случилось, и тем более, они понятия не имели о причине её падения. Я решил воспользоваться замешательством и уберечь её от насмешек. Я решительно обошел парту, схватил валявшийся на полу стул и со словами «Ну, надо же — уже третий человек с него падает!...» решительно отнёс его в конец аудитории, где водрузил сиденьем на крышу шкафа, давая понять, что стул неисправен, и именно он — причина происшествия. Парни, что мне помогали поднимать девушку, разумеется, всё поняли, но решили мне подыграть и не подали вида.

Через несколько минут прозвенел долгожданный звонок, и эта пытка была для всех окончена. До самого вечера перед моими глазами всплывала картина раскорячившейся под партой Саши, её раздвинутые неестественно широко ножки и белые трусики. Мне было жаль, что она в тот момент испытывала боль и обиду, но я ничего не мог с этим поделать...

* * *

Лабораторная состоялась по расписанию — ровно через три дня. На этот раз на улице уже сутки молотил дождь, было пасмурно и темно, так как это занятие в их группе была как обычно сдвоенной 7—8 парой. Собственно, стемнело ещё за час до начала занятия. Именно поэтому я задвинул плотные жалюзи на окнах (других штор на них не было) и включил свет. Компьютеры в университете у нас были аховые даже по тем временам — «Искра ЕС-1030» — тяжеленный огромный серый ящик с клавиатурой системы «йцуken» и черно-белый монитор «колокольчик». Даже мышек у нас не было! И в самом деле — зачем программистам мышки?! Но, тем не менее, опасаясь за сохранность всего этого бесценного вычислительного оборудования, администрация дверь в этом классе установила металлическую с огромным электро-механическим замком и сигнализацией, а на окнах — решётки, и это несмотря на шестой этаж!

Всё время, пока шла лабораторная работа, в классе стоял жуткий гул от вентиляторов тех самых «Искр» и гомон студенческих голосов, старающихся его перекричать. Мне постоянно задавали вопросы, просили подойти то к одному компьютеру, то к другому. Я честно выполнял свои обязанности и учил своих подопечных програмировать численные методы на Турбо-Паскале версии 6.0.

Компьютеров в классе было гораздо меньше, чем студентов, поэтому за каждым сидели по два, а то и по три человека. Саша тоже сидела не одна, с ней была девчонка, — не скажу, что бесполковая, но... звёзд с неба не хватала, причём, как мне кажется, не только по моему предмету. Уже к середине занятия стало понятно, что с заданием в срок им не справиться. Многие к тому времени уже продемонстрировали мне на экране результаты и, получив от меня одобрение, расходились по домам. Напарница Саши, проявив изрядный пофигизм к делу и равнодушные к подруге, тоже засобиралась и ушла. — Это точно!..

Во время этого диалога она затеребила руками край подоконника, будто пытаясь отломить от

него кусочек, так мне казалось, по крайней мере... Моя вторая рука продолжала опираться о подоконник. Вдруг Саша положила на неё свою правую руку. Середина её ладонки была тёплой, а пальчики — холодными, как ледышки. Она несколько раз погладила меня ими. Потом шёпотом произнесла:

- Какой тёплый!..
- Замерзла?
- Я всегда мёрзну, когда смотрю на дождь...
- А если летом? — удивился я.
- Даже летом!... Летом на мне одежды меньше, может, поэтому?..

С этими словами она приподняла своей рукой мою и перенесла её к себе на живот, потом плотно прижала. Мои пальцы сами собой распрямились и я почувствовал плавный изгиб её рёбер, мягкую подвижную поверхность её животика, мизинец провалился в ложбинку пупка. Всё это я отчётливо ощущил сквозь тонкий шерстяной свитерок, сохранивший тепло девичьего тельца. Мне нестерпимо захотелось поделиться с ней своим теплом, согреть и пожалеть её. Саша то продолжала прижимать к себе мою ладонь, то гладила её круговыми движениями кончиков пальцев. И то, и другое было очень волнительно! Я не смел двинуть даже пальцем на её животике, зато левой рукой стал тоже поглаживать и чуть сжимать её локоть. На мгновение заглянув ей в лицо, обратил внимание, что глаза у неё закрыты, а дыхание ровное и нарочито глубокое, — так иногда делают прыгуны в воду, стоя на краю вышки.

- А ты спортом занимаешься? — спросил я невпопад.
- Раньше занималась, когда в школе училась. Потом, в старших классах не до этого стало...
- А каким?
- Плаванием. Синхронным...
- Я почему-то так и подумал, что плаванием.
- А почему? Плечи у меня широкие?
- Да нет, дело не в этом. Просто характер у тебя крепкий, выносливый.
- Ну, я бы так не сказала...
- А я говорю — вон, порвала ты, все-таки, этого Гаусса!
- Охх... не напоминайте!... — она тяжело вздохнула и снова по привычке всхлипнула.
- Прости, что напомнил. Да ты не переживай, работу я тебе за...

Договорить я не смог — она развернулась ко мне лицом и уткнулась мне в грудь. Я почувствовал её горячий и влажный выдох сквозь рубашку, обе мои руки оказались у неё на талии, её тёплый животик прильнул ко мне, а правую ногу она переставила так, что она оказалась чуть позади моей, в результате внутренняя сторона её бедра плотно облегала меня. Мысль о том, что её лобок сейчас тоже плотно прижал ко мне, пусть и через одежду, помутила моё сознание. Я сознавал, что в моих объятиях сейчас находится моя ученица, и это недопустимо... но в качестве оправдания подумал о том, что она младше меня всего года на четыре, максимум — на пять, и ей точно уже есть восемнадцать!

От этой ситуации меня как парализовало, я понятия не имел, как себя вести, и что делать. Отталкивать её мне точно не хотелось, но и как реагировать на такую провокацию, я тоже не знал! Мы так стояли неподвижно с минуту. Я лишь решился немного прижать её к себе руками за талию, так как очень не хотел, чтобы она одумалась и отстранилась сейчас от меня. Однако, я понимал, что с моей стороны этого явно недостаточно... но действовать активнее я не смел — это ведь была моя студентка!

В этот момент произошло нечто неожиданное, но такое своевременное — на улице как по команде погасли разом все фонари — вероятно, ремонтная бригада прибыла на место и обесточила сеть, чтобы приступить к ремонту. Мы на мгновение оказались с ней в кромешной темноте. От неожиданности Саша вскрикнула и ещё плотнее прижалась ко мне, обхватив меня руками за спину.

— Ну, вот — совсем отключили... — дрожащим голосом произнесла девушка.

— Боишься темноты?

— Да, очень! Ещё с детства... Если бы я сейчас была одна, с ума бы, наверное, сошла!

— Но я же с тобой!

С этими словами я машинально прижал её к себе сильнее и зачем-то коснулся губами её макушки. Запах волос молодой девчонки едва не снёс мне крышу!

— Меня бабушка всегда так в темечко целовала, когда я плакала, а она меня жалела — прошептала с улыбкой Саша.

— Ты прости, я это не нарочно... — стал оправдываться я.

— Я знаю... но здесь же темно, и никого рядом нет, никто ведь не увидит... Ещё так, пожалуйста! — робко попросила она и ещё сильнее прижалась ко мне всем своим существом. Я снова поцеловал её в макушку, на этот раз подольше насладившись тёплым запахом девичьих волос. Сашка млела от этого, уже не подавляя себя... Еще немного так постояв, она, не покидая моих объятий, развернулась ко мне спиной и положила свои руки поверх моих, одна из которых оказалась у неё на животике, а вторая — почти на самой груди. У неё этот маневр вышел так ловко, что я и удивиться не успел. Мягкое тепло от её маленькой грудки уже ощущалось подушками пальцев, но лапать студентку... Однако Саша уже давно владела инициативой и решительно перенесла мою левую руку прямо на один из своих бугорков. Твёрдый сосок упёрся мне в ладонь, норовя проткнуть тоненький свитер.

Я с трудом верил в реальность происходящего. И если бы не кромешная тьма, лишь изредка нарушаемая отблесками фар проезжающих внизу машин, я не был бы уверен в том, что она сейчас и впрямь в моих объятиях. Я отчётливо ощущал правой рукой, как двигается аккуратный девичий животик в такт её дыханию. Левая же нежно наминала пальцами юную грудку и гладила сосочек. Однако, на этом чудеса не закончились. Сашенька стала медленно опускать мою правую руку всё ниже и ниже, пока я не ощутил пальцами сквозь тонкую ткань свитера линию резинки её трусиков. Впрочем, она не остановилась и продолжала опускать мою руку дальше. Я ожидал, что вот-вот почувствую грубую джинсу у неё на лобке, но этого не происходило! Боже мой — я уже скользил кончиками пальцев по её лобку, от которого меня сейчас отделяла лишь шелковая поверхность тоненьких трусиков! Вот мягкая плоть лобка раздвоилась и превратилась в складки девичьих губок! Но как такое может быть — она ведь стояла передо мной в джинсах?! Еще через пару секунд, когда мой средний палец, продвинувшись чуть ниже, ощущил тёплую влагу на поверхности ткани, облегающей её писю, мизинец упёрся, наконец, в расстёгнутую до отказа холодную молнию её ширинки. Только тут до меня дошло, что она делала несколько минут назад, пытаясь «отломить край подоконника»!

— Так вот ты какая на самом деле... — прошептал я ей на ушко.

— Какая?..

— Мокренская... Тёпленькая...

— А ещё какая?... — Саша шумно и глубоко выдохнула, так, что её животик чуть вжался,

образовав зазор между собой и резинкой трусиков, на которой лежал мой большой палец.

— А ещё ты сладкая... нежная... красивая... и очень бесстыжая девочка! — дразнил её я, проникнув большим пальцем ей под трусики и лаская место, где лобок переходит в щелочку.

— А почему бесстыжая? Мне так никто не говорил!... — с этими словами она на мгновение немного присела, приглашая мою руку целиком погрузиться ей в трусики и заняться, наконец, чем-то полезным.

Я спорить не стал и запустил ей туда пятерню, нежно, но властно обхватив всю её горячую письку, и слегка сдавил её. Порция горячей смазки тут же оросила мне ладонь.

— Ну, как же, смотри — я залез рукой тебе в трусики и трогаю тебя там... а ты не кричишь и не убегаешь! Так только бесстыжие девочки себя ведут! Разве не так?! — продолжал дразнить её я, всё более бесцеремонно перебирая пальцами меж её влажных и тёплых губок.

— Так... но мне же некуда бежать — дверь-то заперта...

— Но ты могла бы кричать, сопротивляться и плакать, но ты молчишь, потому что тебе это нравится, значит, ты — бесстыдница...

— Допустим... а почему я тогда сладкая? Разве рукой это можно понять?! — не унималась она, всё более отчётиливо повиливая задником и подставляя под ласки каждый уголок своей неистово текущей пещерки.

— Просто я знаю, что такие красивые девочки, как ты, всегда ооочень сладенькие! Но ты права — рукой этого не понять, нужно обязательно языком пробовать!

— Где языком?... Как это делают?... — явно придурилась она, но мне это ужасно нравилось!

— Что делают? — решил немного поиздеваться я.

— Девочек на вкус пробуют...

— Хочешь, чтобы я рассказал?!

— Угу...

— Ну, как?... Сначала задирают юбочку... стягивают трусики... трогают голую попочку... кладут на спинку... слегка раздвигают ножки, сгибают и прижимают их к животику... тогда пися у девочки раскрывается, и её можно как следует рассматривать, трогать, ласкать, лизать язычком, и даже целовать взасос!..

— Но это же очень стыдно!..

— Да, конечно, стыдно! Но это ведь делают только бесстыжим девочкам! И им это нравится! Тебе ведь так делали?

— Мне — нет... никогда...

— Не верю... ты меня обманываешь! — придирился я, слегка сдавливая пальцами одну из губок её щелки, и продолжал орудовать пальцами, растирая новую обильную порцию горячей смазки.

— Я давно хотела... я видела, как это делают, но мне никто её не целовал...

— Не может быть! Я знаю, что многие бесстыдницы вроде тебя даже заснуть иногда без этого не могут!..

— Без чего?... — бормотала она в полубреду, рассчитывая услышать на ушко очередные откровенные подробности.

— Без поцелуя на ночь в голеньку писечку!

Вот эта фраза буквально унесла почву у Сашеньки из-под ног! Она импульсивно дёрнулась, потеряла равновесие и почти полностью обмякла у меня на руках.

— Я так хочу... поцелуй меня в... туда... пожалуйста! А то я с ума сойду!

Я молча подхватил девушку на руки и в три шага донёс до задней парты, где лежало её пальто. Уложив её на спину, снял с неё кроссовки и ненавистные джинсы вместе с окончательно промокшими трусиками. Было очень темно, но глаза уже привыкли, и я отчётливо видел перед собой гладко выбритую перевозбуждённую писюльку своей молоденькой студентки. Лобок красиво перетекал в две роскошные складки, которые образовывали щелочку. Меж аккуратных губок чуть выступал бутончик клитора, её стройные бёдра гармонично переходили в ладную аппетитную попочку. Чуть ниже клитора меж раздвинутых губ виднелся нежный и трепетный вход в её девочку, а под ним виднелся и вход в попку. Всё это бело прямо передо мной и предоставлено в моё полное распоряжение. Животик часто двигался вверх-вниз в такт дыханию одолеваемой похотью сыкушки. Я склонился над этой красотой, наслаждаясь её видом и дурманящим запахом юной бесстыдницы. В следующий момент я бесцеремонно плотно прижал свой высунутый язык всей поверхностью к нижней части Сашиной писечки и медленно провёл им верх до самого лобка. Раздалось приглушённое «Ааа... хх...», животик напрягся и снова часто задвигался. Я повторил это снова. Потом ещё... и ещё... каждый раз наслаждаясь сладко-солоноватым вкусом соков её молоденькой писи.

Я плотно прижимал руками ей согнутые в коленях ноги к животику, а сам яростно сосал нежную девочку. Широко раскрывая рот, я почти полностью покрывал им её маленькую писюльку, яростно орудуя языком между губок, то всасывал в себя набухший клитор, зажимал его своими губами, то запускал язык прямо под него, нащупывал кончиком дырочку, из которой девочки пускают струйки, сидя на корточках, при этом я буквально улетал от её вкуса и запаха, постоянно наслаждаясь обильно вытекающими из обезумевшей от страсти девушки соками.

Всё это я чередовал с простыми возвратно-поступательными движениями напряжённого языка, направленными внутрь нежно-розовой пещерки. Мне нравилось, как она отдаётся моим поцелуям полностью, без остатка. Члену было невыносимо оставаться в тесных штанах, он давно рвался в бой — хотел поглубже ворваться в трепетное бесстыдство этой девчонки и «проучить» как следует маленькую похотливую мокрощелку...

Иногда я ненадолго вынимал из неё свой натруженный язык, облизывал им мягкие и такие нежные губки и лобок, целовал ножки и попочку. Затем снова всасывался с новой силой в сладкую и нежную писечку юной красотки. Опустив правую руку с бедра на её белую попу, я принялся массировать большим пальцем её заднюю дырочку, чем ещё больше смущал девушку, но смущение это ещё больше заводило её, перерастая в необузданную похоть. Я знал, что она очень хочет сейчас кончить, но не в силах сопротивляться продолжению этого безумия. Мне нравилось «мучить» эту скромницу, целуя взасос её в голую письку, но я понимал, что на этом всё не закончится, поэтому, в очередной раз, скользнув поглубже в неё зыком, немного поработал им над входом, снова покрутил вокруг клитора, несколько раз с силой его засосал и стал ритмично охаживать кончиком языка подобно тому, как это делают сами девочки пальчиком, когда дрочат. Сашка затряслась так, что мне показалось, что парты, на которой я это с ней всё это проделывал, даже поехала по полу, она выпрямила ноги, положив их мне на плечи, сама выгнулась дугой, оторвав от парты попу и, не выпуская свою письку из моего широко раскрытоого рта, кончила, излившись новой порцией горячего сока, который я жадно проглотил. Я помог ей аккуратно приземлиться попочкой на поверхность, поправив под ней пальто и ещё немного подержал свой рот на её писюле, не желая с ней

расставаться. Наконец, отсосавшись от девичьей прелести, я громко чмокнул её напоследок в половые губки, выпрямился и склонился теперь над её лицом.

— Я думала... я бы хотела, чтобы это вечно продолжалось!... — пробормотала девушка шёпотом.

— Ты бесподобна, Сашенька... — искренне признался я, переводя дыхание.

Я положил правую ладонь ей между ног, полностью покрыв киску. Прохладные от слюны лобок и губки ощутили моё тепло, а мой средний палец легко нурнул в скользкие и тёплые недра. Я знал, что сейчас, сразу после оргазма, ласки будут для неё невыносимы, но мне нестерпимо хотелось просто касаться её оголённой похотливой плоти и хоть немного — кончиком пальца — погрузиться в неё.

— А я ведь правду сказала — меня никто там раньше не целовал — я давно хотела, много намекала парню своему, а он ни в какую! А когда открыто попросила, он обиделся. Мне иногда даже кажется, что мы из-за этого и расстались с ним потом.

— Ничего не могу сказать в его оправдание... — посетовал я. А ты как и когда про это узнала? Мне показалось, что это тебя сильно взволновало... Расскажешь?

— Ну... — она засмутилась — я же говорила, что в школе синхронисткой была... однажды по телевизору показывали соревнования, я очень хотела их посмотреть (нам тренер посоветовала), но не могла, потому попросила отца записать их для меня на видик...

— Он записал?

— Да, он записал, кассету на нужное место перемотал и в видике оставил. Я пришла из школы, портфель бросила и первым делом включила, там, и правда, было на что посмотреть, мне это было очень интересно, поэтому я почти час не могла оторваться от экрана. Но в конце вдруг запись оборвалась, всё зарябило. Я взяла пульт, чтобы перемотать немного вперёд — вдруг там продолжение... а там... в общем там в конце кассеты порнуха была, и как раз с того места, где взрослый, почти пожилой дядечка целовал девушку между ног. Сначала я оторопела от увиденного, даже заплакала, мне хотелось скорее выключить эту гадость, и я остановила... но через пару минут поняла, что снова хочу посмотреть, как он язычком у неё там делает, и как она от этого балдеет... В общем, я потом ещё долго вспоминала это видео по вечерам у себя в кровати под одеялом!... и в ванной тоже... Вот так меня это впечатлило!

Родителям про это, конечно, ничего не сказала, мне ужасно стыдно было!

В этот момент раздалось легкое жужжение, и, несколько раз помигав, вспыхнула лампа над доской, вот её-то я забыл выключить! Зато мы знали, что теперь дверь откроется, и мы можем быть свободны! Но ни Саша, ни я не торопились покидать аудиторию... Девушка при свете стала стесняться своей наготы и захотела одеться. Я подал её упавшие на пол в пылу нашей страсти джинсы с завёрнутыми внутрь влажными шёлковыми трусиками и кроссовки с торчавшими в них носками. После этого мы ещё долго сидели за партой, на которой всё происходило, просто разговаривали, обнявшись, и нам обоим было плевать, который сейчас час. Я до сих пор помню тепло и запах её юного тела...

P.S. У этой истории есть продолжение, и оно ещё более неожиданное, чем сама история. Я готов им поделиться, если это заинтересует читателей